

Вековой переплет «Книжная кунсткамера» в Эрмитаже листают Ольга Лузина

ЭРМИТАЖ обязан Екатерине II не только художественной коллекцией, но и книжной. Через три года старейшее среди российских собраний такого рода отметит 250 лет с того дня, когда начинающая императрица учредила должность смотрителя для своих книжных полок. Сегодня на них скопилось 700 тысяч изданий по искусству, истории, культуре. В библиотеке много необычных образцов; размером, очертаниями, переплетом, материалом они отличаются от стандартного параллелепипеда, «кодекса», и эти отклонения от нормы поражают воображение не меньше, чем заспиртованные уродства из коллекции Фредерика Рюйша, с которой начиналась петровская кунсткамера, «кабинет редкостей» — отсюда и название выставки. Форма раритетов нередко говорит о большем, чем их содержание.

Вовсе не обязательно напрягаться, ворочая грандиозное «Описание коронования императора Александра II» (1856, 91,5 см, 32 кг), чтобы узнать о роскоши российского двора в середине XIX века. Факсимильное издание Грамоты об избрании на царствование Михаила Романова (1904, 93,5 см) размером свидетельствует о помпезности, с какой праздновали 300-летие династии Романовых.

Бывает, достаточно толщины. Таков «Алфавитный указатель к собранию узаконений и распоряжений правительства» за 1913 год (ширина корешка 18,5 см). Напротив, размеры от 2,5 до 5,8 см свойственны священным книгам, а также книгам с особой функцией. То есть либо Святы, Евангелие, Коран, либо «Календарь для дам» (1812). Особые материалы в переплете иногда иллюстрируют предмет текста: под обложкой с репродукцией миниатюры скрывается исследование о миниатюрной живописи, эмалевая вставка украшает издание об эмальерном искусстве. Но чаще обилие серебра, драгоценные и поделочные камни, бисер, лак, перламутр и даже мех нужны главным образом для того, чтобы превратить книги в дорогие вещи, предметы роскоши. Содержание в них легко уступает изысканной форме. Чтобы с книгой захотелось ознакомиться, материалы включают запускать внутрь, на сами страницы: подвижная схема астрономического инструмента или пазл, образцы тканей, кружев, древесины и ковровой пряжи или колода карт — указывают на учебный, игровой, рекламный характер издания. Сегодня так делают детские книжки, готовые

Брелок с часами. Германия, конец XVI века

шуршать и квакать, только открой. Форма и содержание уравниваются в правах в образах авторской книги, где бумага ручного отлива, подписные иллюстрации, нетрадиционный переплет, особый шрифт стремятся соответствовать смыслу и характеру текста.

На общем фоне выделяется новейшая разновидность книги художника, книжный арт-объект, построенный на игровом взаимодействии со зрителем. В этих загадочных предметах текст и иллюстрации вполне условны, а появится смысл или нет — зависит прежде всего от зрительско-читательских усилий. Вопрос о фор-

Книга для записей. Россия, первая половина XIX века

ме и содержанию снимается. Постарался — прочел. Что прочел — то и написано. Тем любопытнее видеть старинный пример книжной гармонии. Впервые выставляется молитвенник XVIII века; известный французский каллиграф Галлонд переписал его так тщательно, что рукописный текст неотличим от печатного.

Эрмитаж, с 1 апреля до 7 июня

Городские маневры THE SHOREOGRAPHED CITY Моны Брэда рассказывает Станислав Савицкий

«Лаомяо 2 / Laotiao 2», 2008

НА ФОТОГРАФИЯХ МОНЫ БРЭДЭ мы видим городскую суету. Люди торопятся по делам, беседуют на ходу, прогуливаются, ожидают знакомых — жизнь куда-то идет, и в этой беспорядочности есть свое обаяние. Многих художников и поэтов вдохновляли энергия и хаос больших городов. Но на снимках Моны Брэда нет ни безликой толпы, с которой старались совладать последователи Эдгара По и Шарля Бодлера, ни бурного уличного движения, приводившего в восторг футуристов. Прохожих может быть всего несколько, а то и вовсе один, причем сняты они издали, и мы видим их, как фигурки на фоне архитектуры. Зато дома можно рассмотреть подробно. Они самые разные — и скучные офисные постройки семидесятых-восьмидесятых, и манерная эклектика конца девятнадцатого века, и пустынные кварталы хайтекских небоскребов, где как будто до сих пор не ступала нога простого смертного.

Брэда больше всего любит стены и перекрестки — идеальные декорации для пьесы о спешащих или топчущихся на одном месте пешеходах. В ее фотоспектакле нет четкого сюжета, как нет порядка в броуновском движении Невского проспекта или Тверской. Все кажется случайным и мимолетным, одна сценка сменяет другую — только фон остается прежним. Вот несколько эпизодов из жизни торговой улочки в Шанхае, вот пара кадров, сделанных на перекрестке в центре Чикаго, здесь же знакомые уголки в Петербурге и группа не слишком трудящихся, пересекающих Красную площадь. Не-

мецкая художница много путешествует, и на первый взгляд выставка в Государственном центре фотографии похожа на фотоотчет о поездках. Однако впечатление обманчиво, это не туристический репортаж, хотя автор хочет, чтобы сначала зритель принял ее снимки за документальные. Мы должны увидеть городскую жизнь

как бессмысленное мельтешение и безразличие людей друг к другу. Фигурки на пейзажах — безликий стаффаж, им нет дела друг до друга. Это отчуждение одинаково во всех мегаполисах, будь то в Китае, США или России.

Чтобы изобразить пустоту и одиночество современного горожанина, Брэда делает сложные коллажи. С одной точки она снимает отрезок улицы или часть площади в разное время дня, фиксируя разное освещение. Затем из этих снимков в фотоплепелю выбираются фрагменты, наиболее точно передающие непосредственность и достоверность прямого фоторепортажа.

Из них составляется якобы документальный пейзаж — обычная сценка из уличной жизни, в которой, тем не менее, чувствуется то ли подвох, то ли какая-то странность. Одна часть изображения освещена мягким утренним солнцем, другая — слепящим полуденным, а где-то то же место снято в пасмурный день. Брэда намеренно не приводит к единообразию свет, хотя исходные снимки были сделаны в разное время дня. Эта несогласованность не бросается в глаза сразу, поскольку фотографии снимались только засветло, но создает ощущение искусственности происходящего. Может быть, перед нами не уличные сценки, а кадры из кинофильма или эпизоды спектакля? На фоне небоскребов и массивных стен фигурки прохожих похожи на репетирующих странные па танцоров или замершие живые картины. У Брэда есть опыт работы в театре, в начале карьеры она снимала и балет. В новом проекте она пробует силы в качестве режиссера уличного театра абсурда.

Государственный центр фотографии (РОСФОТО), с 3 апреля до 31 мая